

132

ПОЦЕЛУЙ

БАРБАРА ХАННЕЙ

Незнакомый муж

Поцелуй – Harlequin

Барбара Ханней
Незнакомый муж

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Ханней Б.

Незнакомый муж / Б. Ханней — «Центрполиграф»,
2014 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07142-2

Кэрри приходит в себя в больнице после падения с лошади и с удивлением узнает, что она замужем. Макс Кинсайд, ее муж, состоятельный владелец скотоводческой фермы в австралийской глубинке, делает все, чтобы к Кэрри вернулась память, воссоздавая самые счастливые моменты их жизни. Страсть между ними вспыхивает с прежней силой, но, когда амнезия отступает, Кэрри вспоминает, что незадолго до несчастного случая она решила бросить мужа и вернуться в Сидней. В отчаянии она вновь решается на побег, но любовь к Максу оказывается сильнее...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07142-2

© Ханней Б., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Барбара Ханней

Незнакомый муж

Barbara Hannay
The Husband She'd Never Met

© «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Чемодан почти полон. Кэрри с ужасом смотрела на него. Как-то неправильно, несправедливо, что вся ее жизнь вот так быстро и легко уместилась в него.

Три года замужества, и все ее надежды и мечты собраны и аккуратно уложены в этот серебристый чемодан. Она трясущимися руками расправила смявшийся свитер и залилась слезами.

Кто бы мог подумать, что будет так тяжело, но этот заключительный шаг – закрыть чемодан и уйти от Макса – было невозможно сделать. Он пугал, как прыжок с вершины горы в пропасть. Но выбора не оставалось. Ей нужно уехать из Риверсли-Даунс. До того, как она ослабеет.

Кэрри печально осмотрела скудное содержимое гардероба. Она собиралась впопыхах, понимая, что не сможет взять все сразу, выбирала на скорую руку одежду для города: несколько пар джинсов и футболки, совершенно не заботясь о том, что будет носить.

Трудно предвидеть, что ожидает ее там, в будущем. Единственный способ пережить все это – постараться ничего не чувствовать.

Она еще раз осмотрела все ящики. Как знать, может быть, получится втиснуть еще что-нибудь. И тут увидела на дне нижнего ящика небольшой сверток, завернутый в белую папиросную бумагу.

Сердце сначала замерло, а потом бешено заколотилось. Нужно забрать его с собой.

Борясь со слезами, она взяла сверток в руки. Он был почти невесомым. На мгновение она прижала его к груди, словно защищаясь от болезненных, разрывающих сердце воспоминаний. Потом, призвав все внутренние силы, копившиеся в ней все последние месяцы, нащупала место на самом дне чемодана и сунула белый сверток туда.

Вот так. Она вернула одежду на место и с усилием закрыла чемодан.

Все! Готова. Теперь остается только оставить тщательно обдуманное письмо мужу, положив его рядом с чайником на кухонном столе.

Это было жестоко, но она не могла поступить иначе. Если бы она попыталась предложить Максусу объясниться лицом к лицу, он бы увидел, как ей тяжело, и тогда она не смогла бы его ни в чем убедить. Она обдумывала это бессчетное количество раз, рассматривая ситуацию с разных сторон, и поняла, что это единственный честный и правильный способ. Единственный.

Сквозь окно в спальне Кэрри видела огороженный палисадник, сиявший золотом в ярком австралийском солнце. Она почувствовала запах эвкалипта в легком ветерке и услышала, как трещит сорока. В горле застрял горячий и душный ком. Она любила этот дом и сад.

Уходи быстрее. Не задумывайся. Просто уходи.

Взяв конверт и чемодан, она бросила последний взгляд на милую комнату, которую делила с Максом последние три года. Подняв подбородок повыше, расправила плечи и вышла.

Когда зазвонил телефон, Макс Кинсайд не обратил на него никакого внимания. Он не хотел ни с кем разговаривать, кто бы там ни звонил. Боль была слишком сильна, чтобы выразить ее словами.

Телефон продолжал надрываться, впиваясь в душу каждой ноткой. Сердито пожав плечами, он отвернулся от надоедливой звонки и вышел на веранду, когда-то любимое место отдыха. Отсюда открывался отличный вид на палисадник, пастбища и дальние холмы, которые он любил с детства.

Сегодня вид не привлекал внимания Макса. Он был рад тому, что телефон наконец замолчал.

В тишине послышались тихие шаги. К Максусу подошла собака Кэрри, Кловер, смотревшая на него грустными и смущенными глазами.

– Отлично понимаю твои чувства, старушка. – Он наклонился и потрепал лабрадора по голове. – Я сам не могу поверить, что она оставила и тебя тоже. Но думаю, ты не вступишь в городскую квартиру.

Эта мысль снова вызвала острый приступ боли, которая мучила Макса с прошлого вечера, когда он, приехав домой со скотного двора, обнаружил, что Кэрри уехала, не оставив ничего, кроме письма.

В письме она объяснила, почему оставила его, подчеркнув, что ее жизнь в глуши становится все более несчастливой, и она не может удовлетвориться ролью жены скотовода.

На бумаге это выглядело очень неубедительно. Макс никогда бы не поверил ни одному слову в письме, если бы не был свидетелем того, как его жена в последние месяцы накручивала себя все больше и больше.

Но все равно, в этом не было никакого смысла. Он никак не мог понять, почему женщина, совершенно счастливая два с половиной года, вдруг до неузнаваемости изменилась всего за одну ночь. У него возникали несколько предположений относительно последней поездки Кэрри в Сидней, но...

Телефон снова зазвонил, сбив его с мысли.

Черт.

К сожалению, он не мог выключить стационарный аппарат, как это сделал с сотовым. И теперь в нем проснулась совесть. Ведь мог хотя бы узнать, кто пытается дозвониться до него. Правда, если что-то серьезное, можно было оставить сообщение.

Он медленно вернулся в дом, на кухню, где на стене висел телефон. Там было два сообщения.

Последнее от соседа Дуга Петерсона:

«Макс, возьми трубку».

И более раннее сообщение:

«Макс, это Дуг. Я звоню из больницы Джилинга. Боюсь, что с Кэрри произошел несчастный случай. Ты не мог бы мне перезвонить?»

Глава 2

– Доброе утро, миссис Кинсайд.

Кэрри кивнула молоденькой медсестре, вошедшей в палату. Она уже несколько раз говорила персоналу больницы, что ее зовут Барнс, а не Кинсайд. И главное, что она мисс и, конечно, никогда не была миссис.

Эта новенькая медсестра из утренней смены убрала поднос с остатками завтрака, надела ей на руку манжету и начала мерить давление.

– Как вы себя чувствуете?

– Да все отлично, – заверила Кэрри. – Даже голова уже почти не болит.

– Чудесно, – улыбнулась медсестра во весь рот. – Как только закончу тут, к вам зайдет посетитель.

Посетитель? Слава богу. Кэрри наконец успокоилась, даже заулыбалась. Это, наверное, мама. Уж она-то наведет порядок в этой больнице, исправит ошибку, объяснит, что она Кэрри Барнс из Честерфилд-Крест, Суррей-Хиллз, Сидней. И никакая не миссис Кинсайд из Риверсли-Даунс где-то в Западном Квинсленде, как все здесь в больнице ошибочно полагают.

Манжета от тонометра сжала руку, и Кэрри, вспомнив, что она пациентка, сосредоточилась на виде из окна. Кругом возвышались серебристые эвкалипты и простирались акры бледно-зеленой травы, словно футбольные поля, уходившие к низким фиолетовым холмам вдали, где были изгороди с колючей проволокой, и почти явно слышались крики ворон.

Кэрри ощутила неприятные сомнения в самой себе.

Вид за окном явно сельский, то есть совсем не тот, который она могла бы видеть из окна своего дома в оживленном пригороде Суррей-Хиллз в Сиднее. Она привыкла к стильным кафе, барам и ресторанам, небольшим книжным магазинчикам и броским антикварным лавкам. И силясь понять, как она здесь оказалась. И как отсюда выбраться.

– Хм, давление слегка повышено. – Медсестра хмурилась, снимая манжету с ее руки и записывая данные в таблицу на спинке кровати.

– Наверное, это все последствие стресса, – вслух размышляла Кэрри.

– Не исключено, – понимающе улыбнулась медсестра. – Но вы явно почувствуете себя веселее, когда увидите мужа.

Мужа?

Кэрри бросило в жар.

– А разве ко мне... – начала она, но потом пришлось замолчать, настолько пересохло во рту. – Это разве не моя мама?

– Нет, дорогая. Здесь ваш муж, мистер Кинсайд. – Медсестра, полная женщина лет пятидесяти, удивленно подняла брови и чуть было не ухмыльнулась. – Могу гарантировать, что вы приободритесь, когда увидите его.

Кэрри почувствовала себя так, будто проснулась, но все еще не осознала, что ей приснился кошмар. Страх и замешательство вернулись, хотелось накрыться одеялом с головой и просто спрятаться.

Прошлой ночью врач рассказал ей жуткую историю. Оказывается, она упала с лошади, чего просто не могло быть, поскольку последний раз она приближалась к лошади, когда каталась на карусели. Муж и жена, Дуг и Мередит Петерсон, привезли ее в больницу, но она никогда не слышала о них. Потом врач рассказал ей, что она ушибла голову, и теперь у нее амнезия.

Все это не имело абсолютно никакого смысла.

Какая может быть амнезия, если она точно знает, кто она такая! И без труда может сообщить собственное имя, номер телефона и адрес. Как вообще возможно забыть о том, что говорил врач и другие? Например, что у нее есть муж?

– Я уверена, что не замужем, – заявила она медсестре. – Я никогда не была замужем. – Однако, сказав это, она ощутила панику от того, что заметила бледный след от обручального кольца на пальце левой руки.

Когда это произошло?

Как?

Почему?

Когда она попыталась задать эти вопросы, медсестры хмурились и делали какие-то записи. Потом следовал телефонный звонок специалистам. В конце концов Кэрри сообщили, что ей нужно сделать томограмму, но томографа в этой небольшой больнице австралийской глубинки не существовало. Ее придется везти в какой-нибудь более крупный медицинский центр.

Просто безумие какое-то. И страшно-то как. К своему стыду, Кэрри заплакала, и врач прописал ей успокоительные лекарства.

Те небольшие белые таблетки усыпили ее, потому что уже наступило утро. И мужчина, которого считали ее мужем, несомненно, уже проехал значительный путь от его животноводческого хозяйства.

И в любую минуту может войти в ее палату.

Чего от него ожидать?

А чего ожидает от нее *муж*?

Кэрри не имела представления, как выглядит сегодня утром. Наверное, нужно поискать расческу в упаковке с туалетными принадлежностями, которые ей дали в больнице, и, хотя бы причесаться. А впрочем, стоит ли волноваться о внешности, если она вообще не знает человека, который скоро появится здесь. Человека, который делает столь нелепые заявления.

Но любопытство по поводу внешности пересилило. Кэрри нашла в сумке расческу и довольно маленькое зеркальце, поэтому пришлось исследовать свою внешность по частям. Она увидела царапину и сине-черный синяк на лбу, хотя, в общем и целом, выглядела почти, как всегда. Правда, когда она начала проводить расческой по волосам, они оказались намного длиннее, чем были. Не аккуратный боб, а длинные, почти до плеч, волосы.

И когда это они успели так вырасти? И цвет какой-то совершенно простой – русский. А ведь она всегда ходила к Гевину, самому модному парикмахеру на Краун-стрит, и красилась в блондинку с медными и несколькими ярко-вишневыми перьями.

Кэрри все еще гадала, как и когда исчезла краска с волос, когда в коридоре раздались шаги.

Твердые, нет, чепуха, *мужские* шаги.

Сразу замерло в груди. Она засунула расческу и зеркало в сумку и почувствовала, что вспотела. Неужели это ее предполагаемый муж, Макс Кинсайд?

Вспомнит ли она его, когда увидит?

Вспомнит ли вообще хоть что-нибудь?

Что-нибудь?

Она затаила дыхание. Шаги приближались. К ее палате.

В дверях посетитель остановился.

Он был высоким. Загорелым. С густыми темно-русыми короткими волосами. А еще, несмотря на свой рост, он был сложен как футболист. Широкие плечи, стройные бедра и крепкие икры.

Глаза поражали синевой. Кэрри никогда не видела таких глаз, как у него. Хотелось смотреть в них и смотреть.

Он был одет в джинсы, ладно облегавшие его, и голубую обтягивающую футболку, открывавшую шею, с длинными засученными рукавами. Явно сельская внешность все же притягивала взгляд.

Макс Кинсайд был, как ни смешно, очень красив.

Но Кэрри никогда, совершенно точно, никогда не видела его раньше.

Это сумасшествие какое-то. Абсолютное сумасшествие. Такого мужчину она явно не смогла бы забыть.

– Привет, Кэрри. – Предполагаемый муж поставил коричневый кожаный чемодан к ее кровати.

А у него приятный голос.

Кэрри не ответила на его приветствие. Не смогла. Это прозвучало бы так, словно она соглашается верить в то, чего не может быть. Вместо приветствия она слегка кивнула ему.

Он наблюдал за ней с неуверенной обеспокоенной улыбкой.

– Я Макс.

– Да, – ее голос звучал непроизвольно холодно, – мне так и сказали.

Нахмурившись, он открыто смотрел на нее, изучая ярко-синими глазами лицо.

– Ты правда меня не помнишь?

– Да. Я так... – Кэрри хотела было извиниться, но вовремя спохватилась. Макс Кинсайд не выглядел таким уж страшным, но она все еще не была готова доверять ему. Не могла избавиться от ощущения, что он самозванец.

Она села, опершись на подушки, когда он подошел к небольшому столику рядом с ней.

Кэрри наблюдала за ним. Изучала лицо, выискивая малейшие подсказки, которые могли бы пробудить память. Внимательно всматривалась. Форма бровей. Замечательные синие глаза с приподнятыми уголками. Сильный, слегка округлый подбородок.

Ничего знакомого.

– Твои вещи здесь? – спросил он вежливо и притронулся к дверце прикроватного столика.

Кэрри принялась рассматривать его руки, крупные, сильные, слегка поцарапанные и обветренные, без сомнения, от постоянной работы на улице. Ему явно приходилось иметь дело с хлыстом, клеймить несчастных коров или чем там еще занимаются животноводы. Ничего не скажешь, руки у него сильные, загорелые, покрытые мелкими выцветшими на солнце волосками.

А еще от него веяло волнующей сексуальностью. Кэрри сердито взглянула на него.

– Хочешь проверить мои вещи?

– Я подумал, возможно, если увидишь твое водительское удостоверение, это поможет.

Кэрри понятия не имела, есть ли оно в тумбочке, а даже если и есть, что с того.

– Откуда мне знать, что удостоверение не поддельное?

На этот раз нахмурился Макс.

– Кэрри, это просто невозможно. Я просто хочу тебе помочь.

Легко ему говорить. Ей все это принять намного труднее.

Но она подумала, что ничего не добьется, если помешает ему.

– Так давай открывай, – резко потребовала Кэрри.

Макс проделал все легкими прикосновениями кончиков пальцев.

«Если это правда мой муж, его пальцы прикасались к моей коже под одеждой. Ах, эти пальцы».

От этой мысли по спине побежали мурашки.

В его грубоватых натруженных руках было что-то очень соблазнительное, они так отличались от бледных гладеньких ручек бухгалтера Дейва – ее последнего парня. С которым, по ее воспоминаниям, она встречалась.

Эти мысли быстро улетучились, и она сосредоточилась на содержимом тумбочки, где лежала небольшая, довольно простая сумка из коричневой кожи со складчатыми вставками, более консервативная, совсем не в стиле Кэрри. Она конечно же не узнала ее.

Макс с вежливой улыбкой протянул ей сумку, и она уловила, как в его ярко-синих глазах вспыхнули некие чувства. Может быть, грусть или надежда.

Кэрри быстро опустила глаза, вздохнула и расстегнула молнию. Внутри лежали солнечные очки – аккуратные и безвкусные солнечные очки в черепаховой оправе. Еще более консервативные, чем броские очки, которые она обычно носила. Еще там была небольшая упаковка бумажных носовых платков, пилочка для ногтей, пара лотерейных билетов и телефон в аккуратном серебристом чехле. На самом дне притаился ярко-розовый в желтый горох кошелек.

Кэрри внимательно посмотрела на него. Это она точно помнила, поскольку купила его в магазинчике за углом дома. Это было дождливым субботним утром, когда она отправилась посмотреть на витрины магазинов. Ее привлек яркий жизнерадостный цвет, и она не смогла удержаться.

Но она не помнила, как покупала эту простую коричневую сумку или аккуратный серебристый телефон. И кроме того, если это действительно ее телефон, значит, возможно, и ее жизнь. Она могла бы позвонить матери и с полной уверенностью узнать, правда ли этот мужчина, стоящий у ее кровати в джинсах и сапогах для верховой езды, ее муж.

Или нет.

– Мне нужно позвонить маме, – сказала она.

– Конечно, пожалуйста. – Макс Кинсайд привычно пожал широкими плечами. – Я уже звонил ей и рассказал о несчастном случае, так что она будет рада услышать тебя.

Это не сулило ничего хорошего. Слишком уж расслабленно и уверенно звучал его голос.

С замиранием сердца Кэрри набирала номер мамы. Послышались гудки, но сразу же включился автоответчик.

По крайней мере, голос мамы на нем звучал так же, как она его помнила.

– Мам, это я, – начала Кэрри, стараясь, чтобы голос не выдавал волнения. – Это Кэрри. Я в больнице. Со мной все в порядке, я чувствую себя неплохо, однако не могла бы ты перезвонить мне?

Пока она наговаривала сообщение, Макс терпеливо ждал, положив крупные руки на бедра. И кивнул, когда она закончила говорить.

– Я уверен, Сильвия скоро перезвонит.

Сильвия. Этот Макс Кинсайд знает, что ее маму зовут Сильвия.

Занервничав еще больше, Кэрри взяла знакомый кошелек. Пока она ждет звонка от мамы, можно проверить водительские права.

Пожалуйста, пусть там будет написано, что я Кэрри Барнс.

В кармашках кошелька лежал привычный набор карточек, а справа на переднем плане водительское удостоверение. Кэрри сразу увидела, что, хотя фото было, как всегда, ужасным, это явно ее лицо. Никаких сомнений.

А потом она стала рассматривать детали.

«Имя: Кэрри Сузанна Кинсайд.

Пол: женский.

Рост: 165 см.

Дата рождения: 8 июля 1985.

Адрес: Риверсли-Даунс, Джиллджинда, Квинсленд».

Сердце забилося, как у испуганной птички.

Тук-тук-тук-тук.

Вернулась головная боль. Кэрри откинулась на подушки и закрыла глаза. Либо это грандиозный обман, либо правы врачи, и у нее амнезия. Она забыла, что когда-то вышла замуж за Макса Кинсайда.

– Я не понимаю, – проговорила она.

– С тобой произошел несчастный случай, Кэрри, – тихо сказал он. – Ты упала с лошади. Повредила голову.

– Но я помню мое имя и имя матери, почему тогда я не вспоминаю всего остального? Почему я не помню тебя?

Макс Кинсайд неловко пожал плечами.

– Врачи уверены, что память вернется.

Но дело в том, что сейчас Кэрри совсем не уверена в том, хотела бы она, чтобы память вернулась. Хочет ли, чтобы все это оказалось правдой? Что она больше не городская девушка? Что живет на ферме и вышла замуж за этого сильного мужчину?

Все это так непривычно.

Она хотела вернуть прежнюю и такую комфортную жизнь, которую она знала и помнила, – жизнь незамужней девушки в Сиднее, несомненно, с интересной и хорошо оплачиваемой работой в рекламном агентстве и модной квартиркой в Суррей-Хиллз. Плюс ее друзья. Пятничные вечера в Хиллерз-баре. Субботние просмотры футбола или походы на пляж в Бонди или Куги. И воскресные вечера у мамы.

Не странно ли, что она в состоянии все перечислить и вспомнить во всех живых деталях, но при этом не возникает никаких воспоминаний даже о том, как она познакомилась с Максом Кинсайдом. И еще более странным и пугающим было ощущение, что они, хотя и не знакомы, но были женаты.

Неужели она действительно жила с этим странным мужчиной в австралийской глуши? И ведь знала, какая тяжелая там жизнь: жара, пыль, мухи, не говоря уже о засухе, голоде, пожарах и наводнениях. Она была уверена, что не выдержала бы такой жизни.

Но, может быть, если она замужем за этим мужчиной, она должна была спать с ним. И наверное, не один раз.

Невольно Кэрри снова стала рассматривать его широкие плечи и крупные руки. Крепкие бедра, обтянутые денимом. Представила, как он прикасается к ней. Ласкает грудь, бедра. По коже пронесся жар, разгораясь, как разгорается пожар в буше, разносимый ветром.

Его синие глаза на секунду вспыхнули, словно он прочитал ее заветные мысли. Кэрри словно пребывала под гипнозом фантастических глаз Макса. Просто кинозвезда. Она вдруг подумала, что он собирается наклониться и поцеловать ее.

В ожидании Кэрри затаила дыхание.

Но Макс не двинулся с места и просто произнес:

– Мне сказали, что тебя выписывают. Я отвезу тебя в Таунсвилль, чтобы сделать рентген. Кэрри вздохнула.

Он взял сумку, которую принес с собой, и поставил на стул рядом с кроватью.

– Я привез тебе чистую одежду.

– Мою одежду?

Он криво улыбнулся:

– Да, Кэрри. Твою одежду.

Он порылся в ее гардеробе и комод с бельем, подбирая одежду. Нарушил ее личное пространство. Он что, просто такой заботливый муж?

Если бы только она знала правду!

– Спасибо, – отозвалась она.

– Тебе помочь?

Инстинктивно она посмотрела на его руки. Вот опять. О, небо, она безнадежна.

– Что ты имеешь в виду?

– Помочь встать с кровати? Или одеться?

Она была уверена, что покраснела.

– Нет. Спасибо, сама справлюсь.

– Тогда я подожду за дверью. – С легкой улыбкой он вышел.

В больничном холле Макс сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, словно пытался отогнать гнетущее беспокойство, охватившее его со вчерашнего дня, когда он узнал о несчастном случае с Кэрри. Никогда раньше он не испытывал такого страха, выворачивавшего душу.

В тот момент он узнал, что такое испытывать ужас за любимого человека, когда знаешь, что тот в беде, а ты ничем не можешь ему помочь. Он хотел вскочить в машину и мчаться в больницу, но Дуг удержал его, сказав, что Кэрри уснула и, скорее всего, проспит до утра.

Теперь Макс чувствовал себя более или менее спокойно. Кэрри вне опасности, правда, он остается один на один с неразрешимым вопросом: два дня назад от него ушла жена. А сегодня она даже не помнит, как вообще они познакомились.

Чудовищная ситуация.

Но одно остается неизменным: он ничего не собирается предпринимать в отношении Кэрри, пока она даже не знает, кто он такой. Но одновременно он, без сомнения, может заботиться о ней до тех пор, пока она полностью не восстановится. Как-никак, он ее муж, в конце концов. Пока. И все еще любит ее. И любит сильно.

И он не мог избавиться от ощущения, что Кэрри тоже все еще любит его, и ушла от него, не до конца сознавая почему. Но, возможно, ему просто хочется так думать. Тем не менее существует большая возможность, что, когда память к Кэрри вернется, она вспомнит все до мельчайших деталей.

От этой мысли у Макса все внутри похолодело, однако он решил, что побеспокоится об этом, когда придет время. А пока у него совершенно ясная задача.

Кэрри осторожно подвинулась к краю кровати. Спустила ноги на пол. У нее закружилась голова, правда, совсем ненадолго. Шишка на голове побаливала, впрочем, не так уж сильно.

Она вытащила одежду, привезенную Максом, – джинсы, белую футболку, белый бюстгальтер и трусики ему в пару. В пластиковом пакете лежала пара обуви – простые темно-синие туфли на плоской подошве. Все очень хорошего качества, подобрано со вкусом. Странно, но Кэрри не верилось, что это ее вещи.

Куда подевались веселые, яркие цвета, которые она всегда предпочитала?

Вспомнив о мужчине, который ждал ее за дверью, она сняла больничный халат и надела белье. Бюстгальтер подошел отлично, как и трусики, джинсы и футболка.

Она с удивлением и большим удовольствием отметила, что теперь довольно стройная. В прошлом у нее всегда были проблемы с весом.

Кэрри причесалась, обследовала прикроватную тумбочку и нашла там пластиковый больничный пакет, тоже с одеждой, наверное, с той, в которой ее привезли сюда. Еще пара джинсов, рубашка в сине-белую полоску, белое белье и коричневые сапоги для верховой езды. С ума сойти! Ну надо же!

Она чувствовала себя так, будто вся жизнь и мироощущение изменились. Эти вещи могли принадлежать разве что девушке с обложки журнала, которая демонстрировала одежду для сельской местности. Странно и непривычно. Как и когда это могло произойти? Почему она так изменилась?

Вернулось беспокойство, внутри все снова замерло. Она положила пакет в коричневую сумку. Снова проверила телефон. Ответа от мамы пока еще не было.

Мам, ну позвони мне, пожалуйста.

Ей нужно было услышать мамин голос, чтобы успокоиться. И почувствовать себя увереннее. А сейчас Кэрри чувствовала себя как в каком-то научно-фантастическом фильме. Пришельцы стерли часть ее памяти, а Макс Кинсайд стал частью зловещего плана по ее похищению.

Она понимала, как это глупо, но все равно с опаской подошла к двери, за которой ее ждал муж. Макс.

Он вежливо улыбнулся.

– Готова?

Чтобы не выдать себя, она неопределенно пожала плечами и хотела взять сумку, но когда Макс протянул руку за сумкой, отдала ему.

– Вам нужно подписать здесь и здесь, – сказала девушка за стойкой и положила перед ней бланки.

Кэрри тянула как могла дольше. Хотелось потребовать подтверждения, что этот человек ее муж.

– Мне не нужно зайти к доктору перед отъездом? – подстраховалась она.

Девушка нахмурилась и снова посмотрела в бумаги.

– Вас лечил доктор Бирн, но, извините, он сейчас занят. Все данные здесь в выписке, и вы достаточно окрепли, чтобы выдержать поездку.

– У Кэрри назначение в Таунсвилль, – заметил Макс.

Девушка улыбнулась ему, заморгав ресницами, будто он какая-нибудь рок-звезда, подписавшая ей автограф.

Не обращая внимания на Кэрри, она проговорила:

– Назначение на два часа, так что вам следует поторопиться.

Кэрри вышла с ним из дверей и взглянула на вид, открывавшийся со ступеней больницы. Вокруг стояли дома, крытые железом, как это принято в маленьких городках буша. Асфальтированная улица скрученной синей лентой уходила вдаль через бледно-зеленые луга с отдельными эвкалиптовыми деревьями и пасущимися коровами. А над ними в бесконечном бледно-голубом небе сияло солнце.

Она снова взглянула на телефон. И снова никаких новых сообщений.

– Кэрри, – позвал Макс, – ты можешь мне доверять. Обещаю, с тобой все будет хорошо.

К ее удивлению, она ему доверилась. Таким честным и открытым было это лицо. Наверное, в этом и кроется секрет обаяния сельского парня, или, может быть, она просто вынуждена ему доверять. Как ни печально, у нее действительно нет выбора. Она в буше, и ей приходится куда-то ехать с совершенно незнакомым человеком.

Макс открыл дверь запыленного внедорожника.

Он тоже нервничал, как она заметила. В расстегнутом вороте рубашки были видны напряженные мышцы шеи, но, помогая сесть, он протянул ей теплую и сильную руку. Прикосновение вызвало глупую реакцию: по коже пробежал жар.

Через мгновение он уже бросил сумку с вещами в багажник и сел на водительское место рядом с ней. Широкие плечи и крепкие бедра этого парня из буша вдруг оказались всего в нескольких сантиметрах от нее.

– Просто попытайся расслабиться, – посоветовал он, заводя мотор и выезжая с парковки. – Закрой глаза. И поспи, если хочешь.

Если бы все было так просто.

Глава 3

Они уже проехали двадцать километров и находились близ небольшого городка Джилл-джинда, более того, даже почти миновали его, когда позвонила мать Кэрри.

– С каким облегчением я получила твоё сообщение и услышала твой голос!

– Я тоже рада тебя слышать, мам. – Ты. Даже. Не понимаешь. Насколько.

– Как ты, дорогая? Неужели действительно потеряла память?

– Ну да. Частично, по крайней мере. Особенно когда речь идет о недавних событиях. Я могу вспомнить все о Сиднее, о тебе и моих друзьях, но ничего не помню ни о встрече с Максом, ни о переезде в Квинсленд.

– Как странно. Это, наверное, очень неприятно, дорогая.

У Кэрри похолодело внутри. Она ведь надеялась, что мама скажет, будто все это ужасная ошибка. Недоразумение.

Теперь стало ясно, что невозможное не только возможно, но и реально. Она замужем за Максом, животноводом из буша.

– Да, все это очень неприятно, – повторила она. – И странно.

– Макс сказал, что это произошло, когда ты упала с лошади?

– Точно. – Кэрри не добавила, что она абсолютно не помнила, что когда-либо училась ездить на лошади. Ситуация и так слишком необычная, не хотелось заставлять маму нервничать еще больше.

Но все равно она слышала, как мама тяжело вздохнула.

– Я всегда знала, что там с тобой случится нечто ужасное. А ведь я предупреждала тебя с самого начала, что не стоит выходить замуж за скотовода. Их стиль жизни так тяжел и опасен. Этот несчастный случай только подтвердил мои опасения.

Холодная волна разочарования прокатилась в душе Кэрри. Ей нужна была поддержка или хотя бы немного материнского участия.

– Я не так уж плохо себя чувствую, – с неохотой добавила она. – Голова почти не болит. Но мне нужно в Таунсвилль на обследование.

– О боже!

Кэрри бросила взгляд на Макса. Явно ее муж не в чести у матери. Интересно узнать, почему. Что он такого сделал? Или это потому, что он живет в глуши? И, кстати, сам-то он знает о негативном отношении ее родительницы?

– Ты что, в скорой помощи? – спросила мама.

– Нет, – пояснила Кэрри. – Я с Максом. Он везет меня в Таунсвилль.

– А!

Кэрри не понравилось это «А». У нее обострились все страхи и сомнения, появившиеся с тех пор, как муж вошел к ней в палату сегодня. Она в буквальном смысле сама отдала себя в руки незнакомца, который якобы является ее спутником жизни. Ее возлюбленным.

На парковке он сказал ей: «Кэрри, ты можешь мне полностью доверять, правда. Обещаю, все будет хорошо».

Она хотела бы доверять Максиму. Все указывало на то, что он действительно ее муж, так что, хочешь не хочешь, а приходится ему верить. И, насколько она могла судить, у него вполне открытое и честное лицо, хотя прямо сейчас он посмотрел на нее довольно хмуро, точно догадался, о чем они говорили с матерью.

– Я надеюсь, Макс ничего не сказал о... – К несчастью, мама замолчала посреди фразы.

Кэрри нахмурилась:

– Не сказал о чем?

– О! И-и-извини. Не беспокойся, дорогая. Я просто так.

Мама, ну ради бога.

Макс притих и сосредоточенно смотрел на дорогу, вцепившись в руль сильными загорелыми руками.

– На что ты намекаешь, мам? Расскажи.

– Нет, нет, дорогая, не сейчас. Тебе сейчас не до стрессов. Тебе нужно попытаться расслабиться. Позвони мне после того, как доберетесь до Таунсвилля и ты закончишь с обследованием.

Кэрри терпеть не могла, когда от нее вот так отмахивались. Мама чуть не проговорила о чем-то явно очень важном.

– Но что ты имела в виду? Чего я не знаю?

Но на маму не надавишь.

– А пока до свидания. Береги себя, Кэрри. Я буду думать о тебе, посылать мою любовь. Мама отключилась. Наступила тишина.

Кэрри тихо застонала, бросила телефон на колени и снова ощутила беспокойство.

«Вот так, – подумал Макс. – Дракон выпустил первую струю пламени».

Но он оставил эту мысль при себе, прикусив язык, чтобы удержаться от комментариев. Кэрри и без того досталось.

Она вздохнула.

– Я что, частенько злюсь или расстраиваюсь после того, как поговорю по телефону с моей маменькой?

Он премило улыбнулся, но она выглядела такой уставшей и смущенной, что ему захотелось не только улыбнуться. Как же ему хотелось остановиться на обочине и обнять ее. Как же ему хотелось разгладить поцелуем морщинку у нее на переносице, а потом поцеловать кончик ее остренького носа прежде, чем заняться сладкими пухлыми губами.

Да, точно. Это могло бы кое-что исправить.

Но вместо этого он только пожал плечами:

– Думаю, ты догадалась, что Сильвия мечтала не о таком зяте, как я.

– Мама заявила, будто предупреждала меня, что жизнь в буше мне не понравится.

Макс кивнул:

– Она говорила об этом с первой нашей встречи. – Он никогда не хотел думать о своей теще как о драконе, но три года едва прикрытой враждебности с ее стороны не смогли бы сохранить добрые чувства ни у какого мужчины.

Кэрри удивленно распахнула глаза:

– Так мама была против того, чтобы я выходила за тебя замуж?

Он усмехнулся:

– Зато ты оказалась упрямой.

Но тут он благоразумно замолчал. Конечно, он не мог рассказать Кэрри всего до конца. Сейчас она считает, что в Стране Кэрри и Макса были одни розы, а в их браке одно только счастье. И сегодня утром он заверил, что она может ему доверять. Что, естественно, было правдой, но несчастный случай позволил ему провести черту между тем, что было на самом деле, и тем, какими бы он хотел видеть их отношения.

А теперь, заезжая на широкий укатанный луг, он усиленно думал, что же ему рассказать Кэрри. Было бы странно объяснять, что она отказывалась выходить за него замуж. Он не хотел обманывать и запутывать ее. Поскольку у нее пропала память, невозможно предугадать, насколько она правильно все поймет.

И, кроме того, у них в распоряжении еще два часа, пока они доберутся до побережья. Два часа попыток обойти все подводные камни в их разговорах.

– А как мы познакомились? – вдруг спросила Кэрри.

Макс сглотнул слюну, прогоняя неожиданно возникший ком в горле. Этого вопроса он ожидал меньше всего. Невероятно трудно принять этот факт, но она ничего не помнит из того, что запечатлелось в его голове навечно и сияло внутри неугасимым светом.

Он просто рассказал, как все было.

– Мы познакомились на свадьбе.

Кэрри удивленно распахнула милые шоколадные глаза:

– Правда? На свадьбе в Сиднее?

– Да. Твоя коллега по работе Клео Марш выходила замуж за одного из моих приятелей.

– Господи, я помню Клео. Она была такая веселая. Любила вечеринки. И вышла за животновода?

Макс кивнул.

– У Гранта животноводческая ферма, но он изучал медицину и теперь работает сельским врачом в Лонгриче. Он познакомился с Клео, когда они оба отдыхали на Каймановых островах.

– Как романтично.

– Очень, – тихо согласился он.

– Мне... мне хочется... – начала Кэрри, покусывая большой палец. И, помолчав немного, продолжила: – Вспомнить, как мы познакомились.

Ее слова подействовали на него как настоящий взрыв. Может быть, ему стоит просто рассказать правду и больше к этому не возвращаться?

– Как это произошло, Макс? Мы встретились взглядами в переполненной гостями комнате? Или ты начал за мной ухаживать? – Кэрри посмотрела на обкусанный ноготь. – Я с тобой флиртовала?

Макс не сдержался и стал вспоминать ту удивительную ночь. Сверкающая гавань и взгляд Кэрри, от которого у него зашло сердце. Ее сияющие темные глаза и улыбка, электрический ток, пробежавший между ними во время первого танца.

И он тихо проговорил:

– Думаю, мы вполне можем признать правдой все, что ты перечислила.

– Ого! – сказала она, но радости в ее восклицании не наблюдалось.

Она тяжело вздохнула, отбросила волосы назад и откинулась на спинку сиденья, скрестив руки на груди и закрыв глаза, словно даже этот кусочек информации ей было трудно осознать.

Кэрри захотелось спать. Она просто мечтала, чтобы эти несколько часов – это утомительное путешествие по бесконечным просторам в больницу Таунсвилля на обследование – завершились, и все закончилось. Желание сопровождалось мечтой о чудесном лекарстве, которое прочистит мозг, вернет память, и она вновь станет нормальной.

А готова ли она вернуться к реальности?

Готова ли проснуться и вспомнить каждую деталь своей семейной жизни в буше?

Он снова бросила взгляд на Макса. Пришлось признать, что ей не к чему придираться во внешности мужа. Да, у него явно простоватый вид, но она не могла не отметить его сильные мускулы и пронзительно-синие глаза.

Как бы ей хотелось вспомнить об их встрече на свадьбе Клео. А заодно и их собственную свадьбу. Кэрри снова посмотрела на левую руку и легкий след от кольца на безымянном пальце. Подумала, стоит ли спрашивать о кольце и почему она его не носит, но она не была уверена, что готова услышать его ответ.

Конечно, причина могла бы быть самой простой – она сняла его из практических соображений, чтобы не поцарапать, однако ответ мог бы оказаться более сложным и неприятным, и в настоящий момент Кэрри не уверена, что сможет справиться с неудобной правдой. Так что, как бы ни было любопытно услышать ответ Макса, она решила, что будет разумнее тщательнее обдумывать вопросы. Лучше вернуться к прошлому. К их первой встрече.

– Ты был в смокинге? – спросила она. – В тот вечер, когда мы познакомились?

Макс выглядел удивленным и будто слегка повеселевшим.

– Думаю, да. – Он немного подумал. – Да, конечно в смокинге. Это же вечерний свадебный прием. Официальный.

– А в чем была я? – Ей стало интересно, вспомнит ли она свое платье. – Какого цвета было у меня платье?

Он бросил на нее взгляд.

– Женский мозг никогда не перестанет меня удивлять.

– Почему?

– Из всех вопросов, которые ты могла бы мне задать, и все, что хотела бы узнать, – в чем ты была три года назад?

Она прищурилась и почти игриво посмотрела на него.

– Так ты не помнишь, да?

– Конечно, помню.

– Тогда скажи.

– Ты была в платье медного цвета, с большим вырезом на спине. И оно очень подходило к твоим медно-рыжим волосам.

Кэрри улыбнулась. Она не помнила того платья, но это похоже на то, что она могла бы выбрать, ей всегда нравилось подбирать одежду под цвет волос.

Внезапно приободрившись, она спросила:

– А мы спали с тобой в ту первую ночь?

К ее удивлению, она заметила, как у него дернулась мышца на шее, и он надолго задумался, прежде чем ответил вопросом на вопрос:

– А как ты думаешь?

Кэрри покраснела, пойманная в ловушку собственным вопросом. Насколько она помнила, у нее не было привычки прыгать в постель к мужчине на первом свидании. К тому же она не могла вспомнить, чтобы когда-либо встречалась с кем-либо настолько сексуальным, как Макс.

– Ну, – осторожно начала она, – если мы все-таки поженились, могу предположить, что между нами могла пробежать сильная искра.

Макс не отводил глаз от дороги, только еще сильнее сжал руль и сильно покраснел.

– Ну да, – тихо подтвердил он. – Искра была.

Что-то в его голосе, то ли урчание, то ли угроза, вызвало в воображении Кэрри дикие картины. Она вдруг представила, как Макс срывает смокинг, стягивает бабочку, потом снимает с нее обтягивающее медное платье. Она увидела, как он наклоняется и прикасается губами к ее обнаженному плечу, берет ее груди руками и...

О, ради бога. Она хорошо знала, что это не воспоминания. Это чистой воды фантазия. Но эта фантазия была полна картин, от которых у нее запылала кожа и загорелся огонь внутри.

Притихшая от удивления, что ее тело среагировало подобным образом, она снова откинулась на спинку сиденья, сложила руки на груди и скрестила ноги. Пора заканчивать с вопросами. С этим мужчиной любые разговоры весьма опасны.

Обследование наконец закончилось. Кэрри разговаривала с врачом из Таунсвилля. Что касалось повреждений головы, они оказались не опасными, и ее уверили, что память обязательно вернется, хотя доктор не мог знать наверняка, когда это случится. А пока Кэрри нужно следовать обычным предписаниям.

Ей не следовало оставаться одной в течение двадцати четырех часов, она должна отдыхать и избегать стрессовых ситуаций. Ни в коем случае никакого алкоголя и не прописан-

ных врачом препаратов, больше никаких поездок на лошади, по крайней мере, в течение трех недель, по прошествии которых ей нужно явиться на повторный прием.

– Я уверен, что ваша память к тому времени уже восстановится, – доверительно сообщил доктор, когда они выходили от него.

Это хорошая новость, настолько хорошая, насколько вообще можно ожидать, и Кэрри должна быть благодарна этому. В какой-то степени она и была благодарна, поскольку могла надеяться на полное выздоровление, и у нее есть муж, который, казалось, желал помочь ей всеми возможными способами.

Но потеря памяти ощущалась как огромная, невидимая сила, вставшая между ней и Максом. Она постоянно ощущала рядом его физическое, явно мужское присутствие, но совсем не знала его. Он все знал о ней, а она не знала о нем ничего. Совсем.

Воспоминания явно притаились где-то здесь, в ее голове, но она никак не могла добраться до них. Словно жила с повязкой на глазах, не в состоянии ее сорвать.

Она не помнила самых основных вещей – какие у Макса любимые блюда и какие фильмы он любит смотреть. Она не знала, за какую футбольную команду он болеет и какой бритвой бреется. И она ничего не знала о его характере. Его душе. Добрый ли он человек? Спокойный или вспыльчивый? Как относится к старушкам и котяткам? Нравится ли ему быть животноводом?

И главное, любит ли он ее?

Глава 4

– Я заказал квартиру, – сообщил Макс, когда их машина проехала холм и перед ними открылся вид на синее море и зеленый остров вдали. – На несколько дней, если тебе вдруг потребуется время, чтобы привыкнуть к мысли, что нам нужно возвращаться в Риверсли-Даунс.

– Спасибо. Ты очень внимателен. – Пока они ехали из больницы по городу, Кэрри заприметила большой торговый центр с ресторанами, кафе и одним или даже двумя кинотеатрами.

– Если ты не можешь находиться в Сиднее, такой большой город, как Таунсвилль, будет лучше, чем возвращение на глухую ферму, – заявила мама, позвонившая узнать, как дела у Кэрри.

– Да, наверное. – Но сейчас ей было интереснее выяснить, что собиралась сказать мама в прошлый раз.

– Я не помню, – заявила мама довольно резко. И потом уже более ровным голосом: – Честно, дорогая, я забыла. Вряд ли это настолько важно.

Кэрри была уверена, что мама лжет, но, очевидно, говорить об этом смысла нет.

Теперь, перестав разговаривать по телефону, она спросила Макса:

– А кто будет ухаживать за твоими коровами, если мы задержимся здесь на несколько дней?

Вопрос вызвал улыбку.

– Коровы некоторое время могут позаботиться о себе сами. У нас прошло достаточное количество дождей, так что запруды полны, на лугах много травы. Да и Барни рядом.

Кэрри нахмурилась:

– Кто такой Барни?

Макс на мгновение удивился, будто считал, что об этом человеке нельзя забыть, но потом быстро ответил:

– Он давно на пенсии. Живет на сбережения. Барни работал здесь шестьдесят лет. Еще на моего отца. А когда пришло время выходить на пенсию, он не смог покинуть буш, поэтому купил здесь небольшой домик и подрабатывает, когда в нем бывает нужда.

– Что-то вроде сторожа?

Макс ухмыльнулся:

– Лучше сказать – сторожевой пес.

Значит, похоже, Макс относится к старым работникам по-доброму. Кэрри подумала, что было бы неплохо составить список вещей, которые она должна узнать о своем муже.

Совсем скоро она выяснила, что он выбрал довольно впечатляющую квартиру. Она располагалась на четвертом этаже в доме у самого моря, очень современная и блестяще обставленная, с белыми стенами и белым полом из плитки, с аккуратной кухней и милыми бледно-бордовыми барными стульями. В жилой половине стояла красивая плетеная мебель с синими подушками. Белые ставни открывались на балкон с видом на пальмы у ослепительного тропического моря.

– Как мило, – оценила она. – Уверена, что место отлично подойдет для моего выздоровления.

Синие глаза Макса потеплели, и он улыбнулся.

– Я на это и надеялся.

Кэрри осторожно ответила на его улыбку.

– Мы же здесь не останавливались раньше, да?

– Нет, – подтвердил он. – Но обычно мы приезжаем в Таунсвилль несколько раз в году, чтобы отдохнуть от деревенской жизни.

Неужели? Похоже, недурной стиль жизни. Но прямо сейчас у Кэрри возник большой и неотложный вопрос – сколько здесь спален.

Она нервно огляделась, считая двери, ведущие в жилую зону. Стало значительно легче, когда выяснилось, что их больше одной. Значит, им не придется спать вместе.

– Это главная спальня, – ровным голосом объяснил Макс, проследив, куда она смотрит. И подошел к двери. – Идем, посмотрим, там неплохо.

Все еще сжимая в руках небольшую кожаную сумку с вещами, Кэрри пошла за ним. Комната оказалась просто огромной, с бесконечным кремовым ковром и гигантской бело-синей кроватью. Тут были большие, от пола до потолка, окна, из которых открывался невероятно красивый вид на море с одной стороны и на небольшую пристань с начищенными яхтами – с другой. Еще одна дверь вела в ванную, такую же огромную, белую и роскошную, как и спальня.

– Мило. – Ее снова залило жаром, когда она подумала, планирует ли Макс жить с ней в этой же комнате, спать в одной кровати, прикасаться друг к другу...

Он стоял всего в нескольких сантиметрах от нее, своими широкими плечами делая комнату меньше. У нее снова разыгралось воображение. Вот она лежит на этой огромной постели на гладких шелковых простынях в полупрозрачной сорочке. Макс выходит из ванной, обнаженный после душа, его мощное мускулистое тело сверкает в свете ламп. Он приподнимает простыню и ложится рядом.

Кэрри испугалась, когда поняла, что он смотрит на нее, и судорожно вздохнула. Эмоции, промелькнувшие у него на лице, говорили о том, что он вспомнил кое-что из их прошлого. А вот интересно, что именно. Как бы ей хотелось узнать, сколько ночей они провели в подобной комнате. Этот Макс такой земной, такой мужественный. В глубине души она была уверена, что их ночи были бурными.

– Ты... ты тоже планируешь спать здесь? – осторожно поинтересовалась она.

– Я подумал, тебе надо отдохнуть, поэтому предположил, что ты захочешь отдельную кровать, но выбор полностью за тобой. – У него был намеренно равнодушный вид, будто он стер все эмоции. – Мне не обязательно спать здесь. В квартире есть еще одна комната. Так что выбирай.

Кэрри сглотнула слюну.

– Ладно. – Она суетливо оглядела комнату, настолько огромную, что она вполне в состоянии была вместить небольшую деревню.

Кэрри смотрела на все, кроме Макса, ожидавшего ее решения.

– Я поселюсь в другой комнате, – тихо проговорил он.

Она, должно быть, слишком долго думала. Потом взмахнула ресницами и, наконец, выдохнула. Столь роскошная кровать просто создана для двоих. Как ни глупо, но на мгновение ее охватило разочарование.

Она поймала пронзительный взгляд Макса, все еще смотревшего на нее, и, не зная, что сказать, кивнула. И сразу пошла назад в гостиную; любопытство гнало ее посмотреть на другую комнату.

Та была явно отделана под детскую, и намного больше главной спальни, без великолепных видов и с двумя отдельными кроватями, на которые было смешно смотреть, так малы они были для этого большого мужчины.

Она повернулась к Максиму, наблюдавшему за ней.

– Тебе здесь будет неудобно. Нам нужно поменяться. Мне отлично подойдет одна из этих кроватей, и я так устала, что мне не нужны никакие виды из окон, и я не...

– Кэрри, успокойся. – Теперь Макс выглядел почти довольным. – Все в порядке. Мне будет тут хорошо. – У него появились лучики вокруг улыбающихся глаз. – Тебе надо выздороветь, а потому полагается лучшая комната, кроме того, в твоей спальне есть ванна.

– Ну да, конечно, – поспешила согласиться она.

– А теперь пойдем на балкон и полюбуемся видом, – предложил он. – Я сделаю тебе чай.

Макс больше походил на ковбоя, чем на официанта или повара, однако приготовил на удивление хороший чай, не спрашивая, что любит Кэрри – чуть молока и без сахара. Свидетельства того, что он действительно ее муж, начинали множиться, и она приняла это со смешанным чувством смутения, смущения и радости.

Наверное, когда к ней вернется память, жизнь в одночасье станет чудесной. Безукоризненной. Намного лучше той, которую она может себе представить. Кроме разве того, что ее семейная жизнь проходит в буше.

Но пока, по крайней мере, было очень приятно сидеть на балконе и чувствовать, как дует легкий прохладный бриз с моря. В воздухе пахло плюмерией, небо розовело под закатным солнцем. На вершинах деревьев внизу у воды переругивались какаду. По неподвижной серебристой гавани скользили яхты.

Сплошная идиллия. Компаньон Кэрри – ее *муж* – красив и обаятелен. Ей хотелось наслаждаться моментом и ни о чем не беспокоиться.

Если бы ситуация не казалась такой нереальной – какой-то ненастоящей, будто она попала во временную ловушку и живет чужой жизнью.

Макс организовал обед, заказав еду из ближайшего китайского ресторана, накрыл на стол, воспользовавшись милым голубым обеденным сервизом, который нашелся в квартире.

Ночь была ароматной, они зажгли свечи в стеклянных подсвечниках и поели на балконе. Лунный свет лился на воду, вдали сверкали огни на чернеющем силуэте Магнитного острова. От причала, мягко и безмолвно скользя в темной гавани, отошла яхта и направилась в море.

Сочетание еды и лунного света произвело на Кэрри волшебное впечатление, и она почувствовала, как тело расслабилось, нервные узлы ослабли, хотя ее любопытство о браке с Максом выросло с гору.

– Ты не знаешь, что я сделала с обручальным кольцом? – Вопрос из сотни вопросов, циркулировавших у нее в голове, прозвучал раньше, чем она сообразила, о чем спрашивает.

Выпалив его, она почувствовала себя неловко, особенно когда увидела удивление, а затем и боль в глазах Макса.

Он ответил не сразу и снова занервничал, а у нее забилося сердце, как у испуганной птички. «Что-то не так?» – хотела спросить она.

Но когда он ответил, то говорил довольно спокойно.

– Твое кольцо дома на туалетном столике.

«Дома на туалетном столике». Это прозвучало невероятно обыденно и разумно. Тогда откуда это беспокойство?

– То есть, когда ты живешь в буше, не стоит его носить все время?

– Да, ты так решила.

Правда, что-то в глазах Макса все равно ее беспокоило.

– А какое у меня кольцо?

– С двумя бриллиантами.

– С двумя? Здорово.

Макс улыбнулся:

– Это кольцо моей бабушки. Она умерла после нашего знакомства, но хотела, чтобы ты его носила.

– О!

– И ты с радостью его носила. Бабушка тебе нравилась.

Кэрри почувствовала себя чуть лучше, услышав это. Его слова подтвердили, что она была в хороших отношениях с бабушкой Макса. Но все равно остались сомнения, не дававшие расслабиться полностью.

«А были ли мы счастливы?» Очень хотелось спросить, но не хватило смелости. Еще ее преследовал непонятный вопрос, который задала мама, после которого отсоединилась, оставив дочь без объяснений. Кроме того, у Кэрри сложилось такое чувство, что и Макс, и мама тщательно избегают говорить о том, что может ее взволновать.

Возможно, пока стоит перестать задавать вопросы. Но как трудно оставаться терпеливой и просто ждать, когда вернется память.

Они ели молча, наслаждаясь вкусными блюдами и приятным вечером, но вопросы продолжали кружиться в голове Кэрри.

И в конце концов она спросила:

– У нас был медовый месяц? Мы ездили в такие вот экзотические места?

Макс улыбнулся:

– Конечно. У нас был медовый месяц. Мы ездили в Париж.

– В Париж?

Пораженная, Кэрри даже уронила вилку на тарелку. Меньше всего она ожидала услышать о Париже. Макс был скотоводом в буше, ковбоем, который обожал природу. Он должен пасти коров, ремонтировать стойла. А в свободное время ловить быков или крокодилов.

Ей бы и в голову не пришло соединить образ ковбоя со столь утонченным и культурным городом, как Париж.

– Это... я... выбрала Париж?

Он удивленно приподнял бровь:

– Мы выбирали вместе. Просто бросали жребий, выбирая между Нью-Йорком, Парижем и Римом, потому что никак не могли решить, куда поехать. А потому сошлись на том, что бросили все три названия в шляпу.

– А потом тянули билетки три раза, чтобы выбрать наилучший вариант?

– Да. – Он нахмурился, потом наклонился вперед, поставив локти на стол, его взгляд вдруг стал серьезным и изучающим. – Откуда ты знаешь, Кэрри? Ты вспомнила?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, прости. Я ничего не помню о Париже, но всегда выбирала из трех вариантов. Даже в детстве, когда бросала жребий и пыталась принять решение, всегда бросала трижды. – Она смущенно пожала плечами. – Чтобы уж наверняка.

– Конечно. – Он криво улыбнулся, и Кэрри догадалась, что он раздосадован.

Она сделала глоток: лимон, лайм и горький настой трав с кусочками льда.

– Понимаю, что это, вероятно, звучит странно, но мне действительно приятно об этом услышать, – призналась она. – Мне всегда хотелось поехать в Париж и потому, в самом деле, хочется узнать, что ты думаешь по этому поводу. Нет, не о медовом месяце, – быстро добавила она.

Понимающий взгляд синих глаз Макса заставил ее покраснеть.

– Я имею в виду сам город, – уточнила она. – Тебе там понравилось?

Макс ответил не сразу. Его глаза смотрели обеспокоенно и рассеянно одновременно.

О чем он думает?

– Париж был чудесен, конечно, – вдруг сказал он. – Удивителен. Или, по меньшей мере, мне он показался удивительным, как только мы с большим трудом добрались в отель из аэропорта на такси.

– Что, в Париже жуткое движение?

– Да просто сумасшедшее.

– А где мы жили?

– В небольшой гостинице в Сен-Жермен-де-Пре.

– Ого!

– Отличное место. Мы могли пешком дойти до Сены, Лувра или Нотр-Дама. А кафе «Ле Дё Маго» находилось сразу за углом, и мы там несколько раз обедали. В нем любил бывать Эрнест Хемингуэй, а также Пабло Пикассо и куча других интеллектуалов. – Лицо Макса потеплело. – Мы пили дивное красное вино и французское шампанское, обедались фуа гра чуть не до сердечного приступа.

– Звучит чудесно. – Кэрри закрыла глаза, силясь вспомнить что-нибудь. Но ничего не вспоминалось. – А достопримечательности?

– Достопримечательности? – повторил Макс, потом беспомощно развел руками. – Разве Париж можно разделить на них? Там было так красиво, Кэрри. Сена и мосты, парки с весенними цветами и скверы. Небосвод. Все эти крыши и шпили церквей. Весь город просто пропитан историей.

– Так тебе правда понравилось там? – едва слышно прошептала Кэрри.

У нее по коже побежали мурашки. Рассказ об их медовом месяце звучал очень романтично, именно так, как она всегда мечтала.

– И это был весенний Париж? – уточнила она. – Это был май, да?

– Ты настаивала, чтобы мы поехали именно в мае.

– Это всегда был мой любимый месяц.

– Я знаю.

Они неуверенно улыбнулись друг другу.

– Ты же не сочинил все это, правда? – спросила она. – Про Париж?

Макс нахмурился:

– Конечно нет. Зачем мне?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Это так тяжело – ничего не помнить. Честно говоря, весь этот рассказ о медовом месяце в Париже кажется мне обманом, ведь я ничего не помню.

– Ну, все может измениться в один момент.

В свете свечей она увидела его симпатичную улыбку.

– Память вернется, Кэрри, вот увидишь.

– Да. – Она знала, что не должна терять надежду. Кроме того, у нее амнезия всего один день. Она верила, что память в конце концов вернется. И вообще, ведь так интересно, каково это. Все сразу, как вспышка света? Или память будет возвращаться по кусочку, по частям, подобно тому, как пазлы складываются в единую картинку?

Терпение, Кэрри.

– Расскажи мне еще, – попросила она. – Мы пили кофе в этих маленьких кафе на набережной под полосатыми маркизами?

– Каждый день. И ты полюбила парижский горячий шоколад.

Она попыталась представить вкус горячего шоколада. На мгновение его насыщенный вкус появился у нее на языке, но она не была уверена, реальные ли это воспоминания или ее воображение. И в итоге сдалась.

– А нас обслуживали красивые официанты в белых накрахмаленных нарукавниках?

– Точно, и говорили на удивительно хорошем английском.

– Но с очаровательным французским акцентом?

– Да, и это тоже. – Макс прищурился и насмешливо улыбнулся. – Ты прямо млела от их акцента.

– А ты ревновал?

Он хохотнул:

– Вряд ли. У нас же был медовый месяц.

Их медовый месяц. В ее голове снова вспыхнула картинка: они в кровати. Она почти видела их нагие тела, предвкушение...

На этом месте занавес опустился.

Она совершенно не представляла, каково это, прикасаться к Макс, целовать его, знать форму его мышц, текстуру кожи. Как его большие руки могут гладить ее. Каково это, заниматься с ним любовью.

Она снова тяжело вздохнула.

– Тебе пора спать, – заметил он.

– Ты сейчас говоришь как мой папа.

– Не папа, а сиделка.

– Да, – эти слова поставили ее на место. Она – больная, а Макс разумно и ответственно следует указаниям доктора, следит, чтобы она много отдыхала.

Они собрали тарелки и столовые приборы, отнесли их на кухню. Пока Макс загружал все в посудомоечную машину, Кэрри приняла душ в роскошной огромной ванной. Макс привез для нее ночной халат – голубой хлопок, оборки с белой английской вышивкой и шнуровкой. Кажется, сегодня вся ее одежда была либо милой, либо очень изысканной. Ничего вызывающего, вроде фиолетовых штанов и зеленых футболок, в которых, насколько могла помнить, она любила спать.

Кэрри нашла пушистый банный халат в шкафу, надела его, скромно завязав на талии, прежде чем выйти в гостиную и пожелать Макс спокойной ночи.

Он расслабленно сидел на диване, смотря по телевизору какое-то шоу с приглушенным звуком, но встал, когда она вошла в комнату.

– Спасибо за обед и за заботу обо мне сегодня.

– Пожалуйста. – В его глазах промелькнула смущенная грусть.

У Кэрри внезапно перехватило горло. Макс расстроен тем, что она ведет себя не как его жена? Ну а чего он ждал от нее сейчас? Чтобы поцеловала его на ночь?

Он подошел к ней по тростниковому ковру, и она задрожала, представив, как их губы встречаются в поцелуе. Интересно, какие у него губы? Теплые? Он обнимет ее и прижмет к своему твердому большому телу?

Даже сквозь толстую ткань халата она почувствовала, насколько теплые и сильные у него пальцы, когда он положил руку ей на плечо.

– Спокойной ночи, Кэрри. – Он дружески потрепал ее по плечу и отступил назад.

Вот так.

Даже не чмокнул в щечку. Надо же, какой заботливый. Она поняла, что должна быть ему благодарна, поскольку нуждалась в заботе и хотела ее.

Тогда почему она чувствует разочарование?

– Спокойной ночи, Макс. – Кэрри слегка улыбнулась, помахала рукой, повернулась и пошла в свою комнату.

Макс перестал сдерживаться и выдохнул, взял пульт от телевизора и выключил его, вышел на балкон. Стоя у перил, он смотрел на темную атласную воду. Морской бриз, слегка влажный и прохладный, обдувал его лицо. В горле стоял ком, глаза щипало.

Черт возьми.

Кэрри едва не убила его здесь. Она выглядела такой незащищенной, стоя посреди комнаты в халате и босиком, с нервной улыбкой, подрагивающей в уголках рта. Такая красивая.

Он чувствовал, что, если бы он обнял ее, она не стала бы отбиваться. В момент слабости он почти убедил себя, что судьба вернула ему прежнюю Кэрри, девушку, которую он когда-то безоговорочно полюбил.

Все эти разговоры об их медовом месяце обернулись настоящей пыткой. Такие мучительные, страстные воспоминания. Было так соблазнительно воспользоваться ее неведением, протянуть к себе и поцеловать, вновь почувствовать ее в своих руках, такую мягкую, женственную и чувственную. Снова насладиться несдерживаемой свободой и восторгом прежних счастливых дней.

Показать ей все, о чем она скучала.

Но воспользоваться ее положением сейчас не слишком ли поздно? Да и стоит ли, ведь он все равно знает, что память к ней вернется, а с ней и все ее горькие обиды.

Он сжал перила, представляя тот отрезвляющий момент, когда Кэрри все вспомнит. Он почти видел, как любопытство, сияющее в ее глазах, тает, сменяясь растущим пониманием и цинизмом. И, вполне возможно, гневом.

У него вырвался тихий стон. Это была жуткая ситуация – заполучить Кэрри назад, беспомощную и нуждающуюся в нем. Просто невыносимо.

Однако выбора нет. Ему придется пройти через это. Пока жена нуждается в нем, он должен сделать все, что может, для нее, а потом со смирением встретить шторм, который неминуемо последует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.